

11. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1900 год (18-я годовщина братства) // Могилев. епарх. ведомости. — 1901. — № 10—11 (часть официальная). — С. 91—138.
12. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1901 год (19-я годовщина братства) // Могилев. епарх. ведомости. — 1902. — № 9—10 (часть официальная). — С. 40—65.
13. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1902 год (20-я годовщина братства) // Могилев. епарх. ведомости. — 1903. — № 9—10 (часть официальная). — С. 59—79.
14. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1903 год (21-я годовщина братства) // Могилев. епарх. ведомости. — 1904. — № 12 (часть официальная). — С. 66—76 ; № 13 (часть официальная). — С. 79—85.
15. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1904 год (22 годовщина братства) // Могилев. епарх. ведомости. — 1905. — Приложение к № 11. — С. 1—19.
16. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1905 год // Могилев. епарх. ведомости. — 1906. — Приложение к № 8. — С. 1—16.
17. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1906 год // Могилев. епарх. ведомости. — 1907. — Приложение к № 8 (официальная часть). — С. 1—17.
18. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1907 год // Могилев. епарх. ведомости. — 1908. — Приложение к № 10 (официальная часть). — С. 1—15.
19. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1908 год // Могилев. епарх. ведомости. — 1909. — Приложение к № 6 (официальная часть). — С. 1—10.
20. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1909 год // Могилев. епарх. ведомости. — 1910. — Приложение к № 6 (официальная часть). — С. 1—10.
21. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1910 год // Могилев. епарх. ведомости. — 1911. — Приложение к № 6 (официальная часть). — С. 1—20.

УДК 241.81+241.13.

И. Двожецка

Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗВАНИЯ МОЛОДЫМИ СВЯЩЕННИКАМИ В БЕЛАРУСИ

Проблема, которую мы хотим затронуть в своем выступлении, касается влияния семейного окружения на решение стать католическим священником. Проанализируем, какие иные факторы повлияли на выбор профессии молодыми священниками. Свой анализ мы будем основывать на антропологических интервью, проведенных с пятью священниками из Брестской области. Методом исследования являются биографически сфокусированные интервью.

Наши информаторы — это белорусы в возрасте от 25 до 40 лет. Они выросли в многопоколенных семьях мещан, как правило, в неполных семьях, где отец отсутствовал, а бабушка, обычно со стороны матери, играла важную роль в религиозном воспитании детей. Из-за антирелигиозной политики в советское время родители старших информаторов не могли посещать и полностью ознакомиться с религиозной жизнью, а бабушки и дедушки были единственными, кто мог дать детям основы катехизиса и научить молитвам. Этот факт имел большое значение для молодых людей, которые, учитывая выбор своего жизненного пути, различая свое призвание, решили поступить в духовные семинарии.

Призвание. В словарях мы можем найти определения, относящиеся к духовной области или к конкретным видам работ, таким, какие выполняют учителя или врачи. За семантической областью этого понятия находятся работы, называемые американским неологизмом 3D: *dirty, dangerous and demeaning* (грязные, опасные и унижительные), т. е. все профессии, которые, как принято считать, обычно выполняются исключительно из-за экономической необходимости. Это уже указывает на первую особенность призвания добровольность. Существует также другое значение этого понятия, которое относится к его этимологии: зов, внешний зов — *призвание*, после которого должна происходить определенная реакция. В этом смысле слово употребляется в связи с определенными достоинствами, например, призвание на службу, назначение на ответственную должность. Очередной особенностью назначения является внешний призыв. Как отмечает Марек Куця, призвание, по-видимому, имеет три значения: внешнее — как образ жизни, положение, социальная роль, профессия; внутреннее — как убеждение о правильности выбранного пути, профессии, положения, роли; трансцендентное — как задание для человека от Бога [1, с. 123]. Автор, анализируя судьбу этого понятия, отмечает, что оно было присвоено религиозным контекстом. В связи с этим возникает вопрос: ищут ли молодые люди в эпоху «расколдовывания мира», как определял десакрализацию культуры Макс Вебер, призвание, которое можно определить как внешний признак определенного образа жизни, на который отвечают добровольно, и если так, то как это осуществляется и какие из указанных Марек Куцей значений ему приписывают.

Томас Лукманн, в отличие от Вебера, изменения религиозности в постмодернистском обществе определяет не как десакрализацию, а как смещение акцента с модели официальной и институциональной религии на

индивидуальную религию. Это предполагает, что категория призвания все еще необходима, но для автономных индивидов ее внутреннее измерение приобретает особое значение. Это утверждение подтверждает дальнейшие рассуждения Лукманна. Исследователь отмечает, что религиозные учреждения, утратившие монополию на определение святого космоса, вынуждены конкурировать со многими другими источниками «конечных» значений за внимание независимых людей как «потенциальных потребителей их услуг» [2, с. 145—146]. Это означает, что религия в институциональном измерении стала предметом рыночного права, и молодой человек, размышляющий о священстве, считает ее привлекательным образом жизни. Но можно ли говорить о призвании, когда нет внешнего призыва? Вероятное решение этой дилеммы, по-видимому, заключается в понимании призвания в его трансцендентном значении, переведенном в частную сферу, в которой имеют место неинституциональные отношения со священным.

В контексте вышеизложенных соображений стоит рассмотреть влияние семейного образования на выбор священства среди широкого круга других жизненных путей, которые предлагает постмодернистическое общество. Пол Зуленер даже называет современное религиозное направление «религией выбора». В своих социологических рассуждениях исследователь определяет христиан по своему выбору как людей, которые частично отождествляют себя с Церковью, отрицая некоторые элементы традиционной модели, обычно заменяя их элементами нехристианского или даже «религиозного» характера [3, с. 390]. Похоже, что молодые священники или кандидаты в священники не принадлежат к этой группе большинства хотя бы из-за клятвы послушания епископу. Это, однако, не означает, что в повседневной практике среда «религиозного выбора» не влияет на них. В типологии религиозного и церковного поведения Зуленер классифицирует духовенство как группу активных церковных христиан, для которых воспитание может, но не обязательно должно влиять на их религиозную позицию [3, с. 388]. Это группа христиан, которая основывает свою религиозность на воспитании в духе христианства и неизменно дорожит своими религиозными традициями.

Католические священники о своем призвании. Сопоставляя вышеизложенные соображения с автобиографической информацией, предоставленной молодыми священниками во время антропологических собеседований, следует отметить, что семейное образование не оказало непосредственного влияния на их решения о выборе священства. Эту роль обычно выполнял священник в их приходе, который был для них авторитетом и доверенным лицом для духовных тайн. Однако семейная среда оказала влияние на систему ценностей молодежи и в некотором смысле заложила основу для выбора и реализации священнического призвания. Бабушки играли особую роль, особенно в воспитании будущих младших священников. Они учили первым молитвам и привели своих внуков в храм. Родители выступают у них скорее в роли принуждения к осуществлению определенных христианских установок. В одном из интервью наш информатор сказал: «Мои родители говорили мне и моему брату молиться каждое утро и вечер, и моя бабушка часто присоединялась к нашим молитвам» [4]. Другой священник сказал: «В костел нас привела бабушка со стороны матери. Дед подавал пример христианского поведения в том, чтобы, например, помогать людям (...), показал христианскую традицию, а не конкретно православную, был человеком верующим. Дома молитвам учила бабушка. Я помню “Aniele Boży Stróżumó”. Когда мои родители работали, моя бабушка вела нас в костел, а когда наступала Пасха, мой дед вел деревню в церковь, чтобы праздновать Пасху. Он всегда заботился о том, чтобы вся семья собиралась на праздник» [5].

Интересным выглядит тот факт, что чем моложе был наш информатор, тем сильнее сказывалось влияние семейного воспитания в христианском духе на решение выбрать священнический путь. Что касается более пожилых информантов, то не семья указала им путь в церковь, а они своим семьям, особенно родителям. В одном из интервью приводилась следующая история: «Родители были агностиками, только крещеными, но никак не практикующими. Они принимали тот факт, что мы ходим в костел с моим братом, но большая самоотдача была для них равносильна вступлению в секту. Мой отец думал, что это дело молодости, что пройдет. Мама выразила свою позицию более резко: или костел, или мы. Если идешь в семинарию, то забудь, что у тебя были родители. Я собрал свои вещи и сказал “до свидания”. В течение года была “холодная война”, но позже родители согласились, а через три года они сами пережили свое обращение, немного позже в это была вовлечена вся семья» [6]. Этот священник воспитывался в 1980-х гг. в атеистическом окружении. Он сам был пионером, и его детское отношение к религии можно выразить словами: непостижимые традиции, поминовение предков. Он вспоминает, что когда они шли на кладбище на Пасху, он не знал, почему они стояли рядом с могилами и возвращались спустя мгновение. По его словам, это был традиционный праздник его предков, существовавший без связи с религией.

Традиционная религиозность, которая появляется в каждом интервью, описывается П. Зуленером как пассивное христианство. Исследователь описывает людей с таким типом религиозности, как «пытающихся сохранить свою традиционную, христианскую интерпретацию жизни и мира и жить в соответствии с ней (...). Они чаще всего встречаются в “активном сегменте церкви”, среди тех, кто регулярно посещает церковь в воскресенье, в небольших религиозных группах» [3, с. 388]. Родители наших информаторов и некоторые информаторы, родившиеся в БССР, не имели возможности полноценно участвовать в религиозной жизни, но их подход к религии в то время можно охарактеризовать как традиционный и пассивный. Семьи будущих священников не принимали активного участия в каких-либо религиозных движениях и не боролись с атеизмом, но их члены старались жить в соответствии с христианскими ценностями, помогать другим, уважать старших, заботиться о семье и помнить христианские праздники. Как вспоминает старейший осведомитель: «Родители знали, что нужно быть христианином, в смысле принять крещение, иметь крест и иконы дома, но никаких молитв они не знали».

Особое значение для понимания своего призвания нашими информаторами имели священники их родных приходов. В каждом разговоре, когда задавался вопрос о причине выбора священства, появлялись имя и пример жизни приходского священника. Для мальчиков из семей, в которых уже имелись священники, они казались скорее авторитетами, которые объясняли им тонкости веры рациональным, логичным и организованным образом. Можно сказать, что благодаря им они встретились с живым Богом не только с картинки, в связи с чем они почувствовали желание поделиться верой, которую они узнали. Для большинства отсутствие отца в семье (по разным причинам) привело к глубокой эмоциональной связи со священником, который стал воспитателем, опекуном и примером поведения не только священника, но и человека в целом. Один из наших информаторов с любовью вспоминал своего приходского священника, который «расспрашивал учителей в школе о министрантах, как они себя ведут и какие у них оценки» [7]. Другой информатор отмечал: «Я пришел в семинарию благодаря священнику и духовной практике для министрантов. Я часто разговаривал в здании прихода с приходским священником как с духовным руководителем» [5]. Многие священники доверяют молодежи и вовлекают ее в различные дела церкви, а это значит, что она перестает быть чужим местом или чужим домом и становится общим домом.

Наконец, стоит подчеркнуть, что ни в одном из интервью влияние семьи или даже пастора не подчеркивалось как прямая причина для посещения семинарии. На собеседованиях можно отследить момент, когда взросление в конкретной среде заканчивается, потенциальному священнику приходится принимать решение самостоятельно. Как сказал бы Арнольд ван Геннеп, наступает предельная фаза и, следовательно, переход к следующему этапу жизни. На этом этапе сами молодые люди, уже имея собственный опыт, испытали свои дилеммы и сделали выбор. Как сказал один из информантов: «Знакомство со священниками, которые были открыты для разговоров и контактов, также сработало, но я осознал это довольно поздно. Когда пришло время определять, чему посвятить эту жизнь, появилось решение о священстве. Не было никаких особых событий, никаких ощущений, такая Божья тайна» [8]. В другом интервью отмечалось: «Я чувствовал, что хотел бы поделиться в миру верой, которую осознал сам. А потом я почувствовал, что это священническое призвание. Я боролся с этим некоторое время» [6]. Эти слова подтверждают наше теоретическое предположение, что сегодня священническое призвание читается внутренне в трансцендентном смысле. Ни в одном случае не было упоминания о внешней маркировке родственниками или церковной средой (например, словами «вы подходите в качестве священника или должны стать таковым»). Решение о священстве представляется как результат личных отношений с Богом.

Влияние семьи на решение юношей о выборе священства заметно, хотя и не является здесь определяющим фактором. Благодаря позиции своих родителей, бабушек и дедушек мальчики в некоторой степени узнавали христианство, однако в большинстве случаев это было пассивное христианство. Только позиция священников в приходе влияла на то, что молодые становились активными верующими и участвовали в различных молодежных проектах католической церкви. В этих условиях у них появлялось желание служить. Тем не менее они должны были отвечать на этот голос в своих сердцах конкретным решением. В священнической среде в Беларуси часто говорят, что каждое призвание является «вымоленным» целыми поколениями католиков, которые во времена государственного атеизма не могли участвовать в богослужениях и принимать церковные таинства. Тот факт, что сегодня в Беларуси большинство католических священников являются белорусами, объясняется настойчивой и жертвенной молитвой старших поколений, которые сохранили свою веру несмотря на преследования.

Список цитируемых источников

1. *Kucia, M.* Myślenie w kategoriach powołania. Powołanie uczzonego, jako nieobecna kategoria myślenia o nauce / M. Kucia // PRINCIPIA. — 1991. — IV. — С. 115—124.
2. *Luckmann, T.* Niewidzialna religia. Problem religii we współczesnym społeczeństwie / T. Luckmann. — Kraków : Zakład Wydawniczy “NOMOS”, 1996. — 155 с.
3. *Piwowski, W.* Socjologia religii. Antologia tekstów / W. Piwowski. — Lublin : Redakcja Wydawnictw KUL, 2000. — 473 с.
4. Ksiądz, 25 lat, wywiad z dnia 7.09.2017.
5. Ksiądz, 26 lat, wywiad z dnia 7.09.2017.
6. Ksiądz, 40 lat, wywiad z dnia 6.09.2017.
7. Ksiądz, 34 lata, wywiad z dnia 5.02.2019.
8. Ksiądz, 35 lat, wywiad z dnia 14.09.2017.